

«Он спас нам жизнь!»

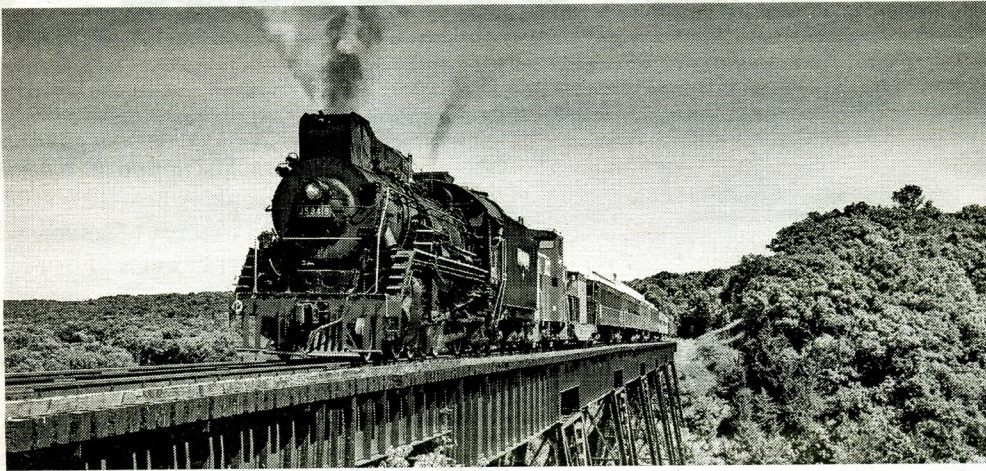

Фото с сайта pikabay.com

Нина ТИТОВИЧ

У каждого в жизни есть событие, поступок или обстоятельство, о котором хочется забыть. По разным причинам: из-за душевной боли, стыда или страха.

Эту историю рассказала 90-летняя женщина, прошедшая вместе со странной тяжёлой путь: родилась в гражданскую, не понаслышке знала, что такое коллективизация, попала под тяжёлый каток Великой Отечественной войны, а потом создавала светлое будущее для своих детей и внуков. И все эти годы хранила за семью печатями то, что произошло с ней в военные годы и наложило отпечаток добра на все последующие её поступки.

После освобождения Белгородчины от фашистской оккупации в 1943 году многие девушки в срочном порядке эвакуировали на Урал: необходимо было помогать фронту на уральских заводах по выпуску оружия. Они подружились сразу Марийка из Ивни и Маруся из Грайворона. Обе черноволосые большеглазые красавицы, только у нашей Марийки глаза были синие-синие, а Маруси – золотисто-карие. Суровый Урал сразу показал характер: плакал холодным осенним дождём, а деревянный барак приветливо открывал объятия холодным ветрам, и одна буржуйка не могла отогреть сырые стены. А дев-

чонкам сказали: «Повезло!» Ведь попали они не на военный завод, а в овощной совхоз, выращивающий и заготавливающий продукцию для фронта.

Поначалу и они так думали, бесконечно жуя морковку и питаясь «пустой капустой». А через время уже смотреть не могли на овощи. Мария Борисовна призналась, что всю оставшуюся жизнь она не использовала морковь в приготовлении пищи. Раз в месяц давали четвертинку водки, и девчонки бежали на барак, чтобы выменять её на кусок хлеба.

Обе Марии плохо переносили холод и стужу, от голода на лице остались одни глаза, в которых так и плескалась тоска по тёпелому отчужденному дому, а ещё каждый раз плакали от обиды, когда местные, не знавшие, что такое оккупация, открыто называли их «немецкими подстилками». Потом в течение всей жизни Мария Борисовна скрывала даже от дочерей факт пребывания на оккупированной территории, хотя их семья спасла в это время из лагеря военнопленных советского лётчика, выдав его за близкого родственника.

Обе девушки мечтали вернуться домой, но вслух об этом не говорили – боялись. Однажды им поручили доставить на железнодорожную станцию бочки с квашеной капустой. Шо-

фёр полуторки куда-то отлучился, а девчонки закатили тяжёлые бочки в товарняк, увидели, как идёт железнодорожник, закрывая вагоны, взглянули друг на друга и, не сговариваясь, спрятались за бочками. Двери закрылись, поезд тронулся.

Молодо – зелено! Разве им пришло в голову, что они дезертировали, что по законам военного времени за это полагается либо самый большой тюремный срок, либо смертная казнь? Сердце летело впереди разума по дороге домой!

На одной из станций дверь открылась, и военный патруль приготовился к осмотру вагона. Мария Борисовна так и не узнала, почему однорукий усатый капитан отправил своих спутников дальше, а сам остался в их вагоне? Но когда обнаружил их укрытие и отсутствие документов, лишь сурово покачал головой: «Сбежали? Домой захотелось?» Обоих парализовал страх: только в эту минуту они сообразили, что натворили.

А капитан тем временем развязал свой «сидор», достал краюху хлеба, разломил пополам и протянул девчонкам: «Поешьте, а я покумекаю, что с вами делать».

Даже спустя 70 лет Мария Борисовна не могла без слёз говорить о безмерном великодушии солдата, сумевшего понять безрассуд-

ство молодости, грозившее не просто судьбам девчонок, а их жизням.

Капитан посадил их в обратный товарняк, объяснив охране, что девчонки случайно оказались за закрытой дверью вагона, когда грузили бочки, и приказал доставить к месту их работы. Эту версию он подтвердил по телефону, когда их, вернувшись из драматичного путешествия, посадили под арест.

На вопрос, почему же она скрывала так долго эту историю, Мария Борисовна ответила: «Мне было стыдно и страшно. Ведь я была в оккупации, а к такой власти относились настороженно долгие годы. Боялась, что правда может всплыть, и тогда мне не миновать тюрьмы. Кто я? Дезертир. А у меня уже росли дочери. Кстати, они родились на Урале. Представляете, именно водка помогла мне выйти замуж за достойного человека. Когда я меняла её на хлеб, он обратил на меня внимание, мы познакомились и через какое-то время сошлись. А уж ему об этом рассказать я бы никогда не осмелилась. Тогда я поняла одну вещь: человеческая судьба важнее всего, сломать её можно в одну секунду, поступив по закону, а проявить человечность, помянуть человека, совершившего проступок, дать человеку шанс – на это нужны духовные и нравственные силы. У капитана они были. Он спас нам жизнь. Когда мне нужно было делать выбор в отношении людей, я всегда вспоминала его, и это помогало поступать правильно».

После таких рассказов поневоле задаёшься вопросом: а что пережили во время Великой Отечественной войны близкие наших современников, желающих переписать историю? Как прошла война по судьбе бабушек и дедушек, например, господина Зеленского, обвинившего СССР в сговоре с фашистами? Очевидно, вопрос риторический.